письмо в город

Статья руководителя колхозного филиала Малого театра засл. деятеля искусств И. С. Платона

Фото В. МУСИНОВА

Репетиция «Ревизора» в Заметчинском театре. Слева: заслуженный деятель искусств Платон

В голове состава местный автокар с надписью «Москва-Заметчино».

Сундуки, чемоданы, корзины, узлы. Актеры, актерские матери, тетки и дети, маленькая черненькая собачка на раме разобранного велосипеда.

Провожающие уже вышли на перрон. Глупая пауза. Надо бы говорить, а говорить вдруг стало некогда: сейчас свистки.

Актер в мягкой шляпе, в черных роговых очках — провожающий — нервно постукивает тросточкой.

— Ну, что ж... Поживем — увидим. Я остаюсь при своем мнении.

— Ты известный скептик, — добродушно отвечает отъезжающий. Хватиться вперед не будем, а по-моему вчера ты был вчера...

— Поживем, говорю, увидим...

Свисток. Взрыв голосов, и из вагона и с платформы — подняты руки... Платки... Кой у кого и слезы... Вагон покатился.

— Про что это он вчера? — спросил кто-то.

— Да так... скептицизм... Обросли, как мохом, городом. Иной жизни представить не могут.

А вчера было вот что.

Наскакал городской актер Яша давал отъезжающему в колхозный театр товарищу прощальный ужин. В уютном кафе-ресторане допивали «посошок».

— Ну, вот... Прожили мы с тобой в театре почти всю жизнь... Прожили не бесславно... Кажется, чего нам еще надо. Живи в свое удовольствие, работай в культурных условиях города... и почет, и уважение, и вдруг тебя куда-то несет. Ну, дай тебя я еще не говорю, а вот эти твои актеры-колхозники. Умора. Неужели ты веришь в их искренность? Ведь это широкий, театральный жест. Неужели ты думаешь, они сохранят бодрость, когда встретятся с действительностью? Кто-кто, а мы с тобой знаем актерскую душу!

— Запишут. Да еще как. Ведь это же все люди города...

— Урбанисты? — засмеялся товарищ.

— Не смейся... Да, да! Урбанисты, асфальтовые люди! Театр! Вот что определяет их сознание.

— Сейчас нет... потом... еще куда ни шло. А наступит осень, невылазная грязь... А зима. Буераны, холод, снег... Бригадные спектакли за 20 верст в какой-то дыре... Ну, хочешь пари?... Ведь это все сейчас кажется в розовом свете... Я прошу тебя... Ну, напиши мне честно через неделю о наших мытарствах... Чорт! Трамвая нет, автобуса нет... Самых примитивных удобств жизни нет. Пружинного матраца, телефона, ванны... Общества интересного. Напиши честно...

— Напишу, конечно...

— Конечно, будет декорация... Будут — триумф приема... и речи и встречи... Все, что в этих случаях полагается. Все это будет, это я отлично знаю, но надолго ли? Надолго ли хватит их?

Как и предсказывал московский товарищ, первый этап открытия совхоза-колхозного театра прошел необычайно торжественно. Было и столичное, и местное руководство, была пресса, молодая, жизнерадостная, чуть-чуть отвечающая порывом на порыв. Шоколад «Спорт», всякие гопуды [illegible] сыт Зарин.

Спектакль окончен. Гудят МТСовские, политотдельские, совхозный грузовики, разъехались по домам знатные люди.

Спектакль в стационарном помещении бывшего заводского клуба — это еще сравнительно удобный плацдарм для работы. Тут можно и мой-чав повернуться на сцене, и публика здесь, особенно на премьерах и по праздниках, испытывает в театральном деле.

Хуже с теми спектаклями, где преобладают новички. Во все время действия на сцене — в зрительном зале тихий говор. Экспансивный зритель не в состоянии удержаться от того, чтобы не обменяться замечанием с соседом.

— О! О! Этот боится этого, а этот этого!—слышится, восклицание (идет сцена 1-го действия «Ревизора»).

— Ну конечно!— право искусство! Глядя, трусится! (т. е. трясется).

Взрыв смеха. Восторгам нет конца.

— Т-с-с! Т-с-с! — несется по зрительному залу.

Перед третьим актом со сцены — чаек, принадлежащий председателю колхоза о том, как надо держать себя в зрительном зале, в невозможности перебивать несмолкаемый тихий говор зрителей. Предупреждение действует. В зале становится тихо.

Бригадный выездной спектакль в Юрсове. Театр выехал на дневной спектакль в комедией «На бойком месте». Утром пионерам была прочитана пьеса, даны были пояснения, проведена беседа. К 4 часам под'ехали на грузовиках декорации и актеры и на открытой сцене в сосновом лесу был дан спектакль. Пионеры, школьная детвора, рабочие леспоза и прилегающие деревни Юрсова — 500 человек прослушали спектакль. За высоким тыном площадки для публики собралось десятка два колхозников. Им недостало билетов и они заняли своеобразную обструкцию: смех и говор, мешающий исполнителям. Не как только их пустили на площадку, они разместились по проходам, потеснили сидевших на скамьях, и вмиг настала тишина.

Слышно было, как шумел лес, где кой-где перекликались рабочие, цепляясь по забору. Не соседние сосны, как татарва, усевшись мальчишки, которым не хватило мест на скамьях. Три действия публика не покидала мест, и приходилось играть почти без антрактов.

Восторг полнейший. Сочные взрывы смеха и рукоплесканий. И долго по окончании спектакля публика не расходилась, поджидая актеров, чтобы посмотреть, что это за народ, представляющий картины далекой прошлой жизни. Второй спектакль так же, только вечером при слабом керосиновом освещении, проходит в еще большим успехом.

Другой выездной спектакль в Матчерке. Длинная каменная изба с пристройкой для сцены. На вывеске — «театр им. М. С. Щепкина». Актеры вспомнили своего родоначальника и почтили его имя на торжественном открытии своего колхозного театра.

Колхозники собрались едва к 10 часам. Прямо с полей, в уборки, с молотьбы! Театр не мог вместить и половины желающих. Под окнами столпа весь почти колхоз, выломали оконную раму на сцену, чтобы хоть краем уха услышать, что делается в театре. Учительский персонал, комсомол и передовые колхозные активисты работали ночи, чтобы приготовить театр до дня открытия.

Опять восторг, опять вопросы:

— А когда же опять? Дайте поглядеть и нам — причали наоплавай в театр.

— Вот теперь мы понимаем, что такое театр, — отвечали им счастливцы, выходя в прохладу ночи из душного театра.

А потом Ушинка, огромное село с населением в полтора десятка тысяч. Это медвежий угол. Есть избы, где и нынче топят «по-черному» без труб.

А потом Раёво. А потом «Красное знамя соседнего Башмаковского района. Средне-Волжского края, а потом...

И везде восторг, везде серьезное, вдумчивое отношение к тому, что происходит на сцене.

Дневной спектакль «На бойком месте» — на Соседнем. На площади, обсыпанной по хлебосеве.

Группа девчат в белейших платочках. — Ну, что, девчата, все поняли? — спрашивают актеры. — Агаг!— дружным хором отвечают девчата. — Вот какая счастливая Аннушка, за барина замуж вышла!..

— Счастливая? Как же, дожидайся! Наплачется с ним... Нешто за такими счастливые бывают? Гляди-и...

— Побалуют сколько... да и... выгонит.

Девчата зашептались. Выразительным жестом определила срок барской забавы и Аннушкиного счастья.

Девки скоморошились и убежали со смехом.

— А вы в первый раз в театре?

— Впервой!... — прикинули издали.

«Благородному» месту барина Миловидова колхозные девчата не поверили.

Это оценка зрителей, а вот оценка печати:

«Пьеса Островского («На бойком месте») отражает действительность, происходившую сто лет назад. Но там не менее постановка не перед колхозным зрителем имеет определенную целеустремленность. После просмотра этой пьесы в памяти каждого колхозника останутся живые образы давно минувшего торгового общества, быт и нравы которого имели только темные стороны. П. С-ев». («За большевистский колхоз». Пятидневная газета политотдела Раевской МТС, Заметчинского района, Воронежской обл., № 46, 12 авг. 1934 г.).

Спектакль «Не все хоту масленица».

«Следя за ходом постановки, я горел негодованием на варварские отношения купца и подчиненных и окружающим его.

Это пишет т. Давыдцев («На боевом посту», Орган политотдела свиносовхоза «Красное знамя», Башмаковского района, Средне-Волжского края, № 25 от 14 авг. 1934 г.).

Тов. Давыдцев тоже первый раз в театре.

Театр быстро и убедительно перелистывает и прочитывает страницы прошлого. Быстрее нас, актеров, никто не рассказает колхозному-зрителю о том, что было. А время дорого. Каждая минута на счету.

Раёво, в классной — колхозная пьеса «Последняя бабушка из Семигорья» И. В. Евдокимова. Это наш сегодняшний день с его старыми пережитками и новыми победами. Плодово, с учетом возраста зрительской массы составленный репертуар колхозного театра дает зрителю огромную пищу для дум, для сравнений, для выводов и решений.

Непосредственный колхозный зритель тонко разбирается в правдиво представленных перед ним картинах прошлого, написанных большим мастером слова. Этого молодого «театрального воробья» на мякине не проведешь. Его анализ глубок и верен, его классовое чутье не обманывает его, не оставляет ни на минуту. Вслед за полученным впечатлением в его голове немедленно формируется вывод на основании параллели между прошлым и настоящим.

В Москве очень много молодых театров, много талантливой актерской молодежи, много талантливых молодых режиссеров. Они тратят десятки и сотни тысяч на свои головокружительные постановки, устраивая своеобразную скачку с препятствиями, этакий театральный «стипль-чез»...

Что если бы они блестящие силы свои, свой труд бросили на деревенский фронт...

Не будучи непосредственным корреспондентом московского товарища, трудно ответить ему за всех о своей новой жизни и о вынесенных впечатлениях. Того гляди, он обвинит в пристрастном подходе, в субъективном освещении, а то и просто, если не скажет, то подумает:

— Ну, эти спора мы знаем...

И все-таки уже можно сказать, что слова московского друга не исполнились!

Асфальтовые люди весело и бодро несут свою творческую работу в стационаре. Перекатывают из колхоза в совхоз на советском грузовике, сидя и лежа вповалку на сенной соломе, отмеривая десятки километров по пыльной грунтовой дороге мимо необозримых полей ржи, пшеницы, проса и свеклы... и, возвращаясь в стационар часто подутро, спят до нового дня богатырским сном на своих постелях, правда, пока без пружинных матрацев.

Заметчино.
30 августа 1934 г.